

**Центр научных работников и преподавателей иудаики
в вузах «Сэфер»
Межрегиональный центр преподавания иврита**

Язык иврит: исследование и преподавание

Материалы XVII Международной ежегодной
конференции по иудаике

Том III

Академическая серия

Выпуск 32

Москва 2010

**The Moscow Center for University Teaching of Jewish
Civilization “Sefer”**

The Inter-Regional Centre of Hebrew Teaching

Hebrew Language: Research and Teaching

Proceedings of the Seventeenth Annual International
Conference on Jewish Studies

Volume III

Academic Series

Issue 32

Moscow 2010

Общая редакция: Е.Б. Марьянчик, Ю.Н. Кондракова

Editorial Board:

Evgueny Marianchik, Yulia Kondrakova

Издание осуществлено при финансовой поддержке

Published with the support of

Американского Еврейского Объединенного
Распределительного Комитета (Джойнт)

The American Jewish Joint
Distribution Committee (Joint)

Фонда Ави Хай

Avi Chai Foundation

ISBN 978-5-98604-197-1

© Центр научных работников
и преподавателей в вузах
"Сэфер", 2010

© Межрегиональный центр
преподавания иврита, 2010

© Коллектив авторов, 2010

*И. Баркусская, Ю. Кондракова (г. Москва, РФ),
Е. Марьянчик (г. Ашдод, Израиль)*

**Иврит через грамматику: опыт преподавания
в московских вузах в 1995–2009 гг.**

Как известно, в СССР легальное преподавание современного иврита было ограничено всего несколькими вузами (ИСАА, МГИМО, Академия КГБ, Высшая дипломатическая школа и Военный институт иностранных языков), куда по неписанным правилам доступ студентам-евреям был закрыт. Параллельно существовала разветвленная система полуподпольных кружков, целевую аудиторию которой в значительной степени составляли отказники, боровшиеся за выезд в Израиль, а также евреи, видевшие в изучении национального языка своего народа шаг к реализации полноценной национально-культурной жизни в СССР [7], [9], [15].

До определенного времени эти две системы не пересекались: официальные вузовские преподаватели не занимались нелегальной деятельностью; что же касается преподавателей неофициальных кружков, многие из которых знали иврит на очень высоком уровне, то отсутствие соответствующего советского диплома служило дополнительным фактором (помимо идеологического), исключая их привлечение к преподаванию в вузах.

Ситуация начала меняться еще в советское время – незадолго до развала СССР. В больших городах, стали открываться многочисленные бесплатные ульпаны под эгидой крупных международных организаций (Еврейского агентства для Израиля [1], «Натива» и др.). При этом нарастающая волна репатриации евреев в Израиль, а также эффект вакуума, когда запрещенный иврит внезапно стал не просто доступен, но и преподавался бесплатно или почти бесплатно, привели к лавинообразному росту желающих изучать этот язык: так, например, количество учащихся только одного московского ульпана Еврейского агентства превышало 1200 человек. Появление этих ульпанов практически разрушило сформировавшийся к этому времени рынок частных групп. Немало преподавателей этих групп эмигрировали, многие были приняты на работу в ульпаны или же в еврейские школы, несколько десятков которых было открыто в странах бывш.

СССР. Однако, как уже было отмечено, никто из этих преподавателей не имел легального национального документа, подтверждающего знание языка, не говоря уже о праве его преподавать.

Одновременно с ульпанами и еврейскими школами был открыт целый ряд новых вузов, среди которых были не только частные (Туро-колледж, Еврейский университет в Москве¹ и др.), но и государственные (Государственная еврейская академия им. Маймонида²), и подразделений в уже существующих университетах (РГГУ, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, СпбГУ и др.). Одним из направлений их деятельности стала подготовка преподавателей современного иврита. Не удивительно, что потребность в дипломированных вузовских преподавателях быстро превысила возможности последних³. Именно поэтому на работу в вузы стали принимать и некоторых преподавателей ульпанов.

В эти годы стратегия ульпанов базировалась на ошибочной, как показала практика, и пересмотренной впоследствии концепции, что на первом этапе изучения языка должно быть направлено исключительно на овладение коммуникативными навыками в надежде, что более глубокое его изучение произойдет позже (в действительности же многие из новых репатриантов привыкали обходиться достигнутым ими минимальным уровнем иврита) [4]. Под влиянием этой концепции изучение иврита в ульпанах Еврейского Агентства на продвинутых уровнях не производилось.

По этой причине интерес к работе в вузе проявляла наиболее активная часть преподавателей, как правило, не удовлетворенных профессиональной составляющей своей работы. Подавляющее их

¹ Впоследствии – Высшая гуманитарная школа им. С. Дубнова, далее – ВГШД (прим. авт.).

² Впоследствии – Государственная классическая академия им. Маймонида, далее – ГКАМ (прим. авт.).

³ Отметим здесь А.Н. Новгорова, возглавившего филологический факультет и кафедру древнееврейского языка и литературы ГКАМ, Ю.М. Корниенко, в настоящее время стоящего во главе этой кафедры, А.А. Крюкова, руководившего кафедрой иврита ВГШД, А.Л. Юркова, А.В. Крылова, Н.Ю. Васильеву, Ю.И. Костенко, преподававших в эти годы иврит в различных вузах (прим. авт.).

большинство имели техническое образование, причем многие были математиками или специалистами в области компьютеров.

Уже с первых шагов этим преподавателям стали ясны существенные различия между преподаванием в вузе и ульпане. Так, например, в отличие от учеников ульпанов, студенты видели своей целью серьезное изучение иностранных языков и получение филологического образования. Даже тот факт, что абитуриенты нередко были дезориентированы не вполне корректной рекламой и узнавали, что их будущей специальностью является именно иврит, лишь поступив в вуз и приступая к занятиям, не снижал высокую мотивацию многих из них.

Вторым существенным отличием вуза от ульпана с точки зрения преподавателя было возросшее влияние на учебный процесс учебного плана и регулярных экзаменов.

К 1995-1996 уч. г. в ГКАМ сложилась парадоксальная ситуация. Почти вся кафедра иврита была укомплектована представителями технических профессий, перед которыми была поставлена задача: обеспечить качественную подготовку десятков студентов, которые уже учились в этом вузе. Специальность студентов (филолог – преподаватель иврита) предполагала не только овладение собственно языком, но и разнообразными методами его преподавания, т.е. навыками, которыми едва ли обладали сами преподаватели. Положение усугублялось отсутствием в РФ линейки собственных вузовских учебников по ивриту, которые предстояло выбрать из существовавших на тот момент в Израиле.

Состав кафедры предполагал поиск технократического решения конкретной проблемы, и такое решение было найдено после знакомства с программой по ивриту, принятой в Еврейском университете в Иерусалиме (далее – ЕУИ) для обучения иностранных студентов [20]. Эта программа представляет собой детальный учебный план, описывающий требования к знаниям студентов в области грамматики (т.е. дает своего рода грамматический каркас) при последовательном изучении иврита на шести разных уровнях – начиная с нуля и заканчивая уровнем, достаточным для полноценной учебы в университете (соответ-

ствующий требованиям экзамена *птор* (от ивритского פטור – *освобождение*, своего рода аналога американского TOEFL).

Логика грамматического каркаса оказалась решающим фактором и позволила не только самим преподавателям в кратчайшие сроки освоить программу ЕУИ, но и начать ее планомерное и жесткое внедрение в учебный процесс ГКАМ [6], [9], [18]. Знакомство студентов-старшекурсников с требованиями программы, структурой грамматического каркаса и последовательностью прохождения материала открывало перед ними возможность профессиональной деятельности в качестве преподавателей иврита в рамках этой системы. При этом свободное владение грамматическим материалом, умение его внятно излагать и добиваться усвоения студентами являлись основными условиями работы преподавателя в этой системе. Так были заложены основы *конвейера* по подготовке всё новых преподавателей иврита.

Отметим, что отсутствие в программе ЕУИ формальных требований к последовательности прохождения лексического материала не мешало внедрению программы, поскольку для преподавания на каждом уровне преподаватели могли воспользоваться рядом конкурирующих между собой учебников ЕУИ, а также сборниками упражнений по синтаксису и спряжению глаголов. Однако с целью максимальной унификации работы преподавателей и требований к студентам, было принято решение об использовании в ГКАМ лишь некоторых из этих учебников – по одному на каждом уровне (каждый уровень изучался в течение одного семестра).

Такая стратегия оказалась не просто эффективной, но, по-видимому, единственно возможной для обеспечения «поточного производства» специалистов в новой для страны профессии, которые могли быть и были востребованы рынком.

Одно технократическое решение влекло за собой другие. Как известно, поточное производство требует жесткого контроля качества на каждом этапе. Поэтому для реализации программы необходимо было тщательно разработать систему проведения экзаменов. В качестве основы такой системы были использованы уровневые экзамены по ивриту, принятые в ЕУИ. Однако в отличие от Израиля, где уровневые экзамены традиционно проводятся

в виде письменных работ, система экзаменов по практическому курсу иврита в Москве (раз в семестр) дополнительно предусматривала проведение устного собеседования, на котором студенты должны были продемонстрировать владение навыками монологической и диалогической речи, а также грамматическим материалом – инструментарием будущего преподавателя – излагая ту или иную тему, разумеется, в строгом соответствии с тем, как она изучалась в течение семестра.

Для корректной оценки ответа студента на экзамене нужно было выработать внятные критерии правильности и чистоты его речи, как устной, так и письменной, но это неожиданно оказалось нетривиальной задачей [9], [12], [16]-[17]. Выяснилось, что ряд грамматических конструкций, которые декларируются как ошибочные в одних учебниках (и даже в работах по языковой норме), рутинно использовались в учебных текстах в других, а нормы орфографии воспринимаются даже редакторами ведущих газет исключительно как рекомендации, отнюдь не обязательные для принятия к исполнению.

Сами авторы этих учебников относились к найденным у них несоответствиям достаточно равнодушно или даже с юмором, поскольку разногласия представлялись им неизбежным следствием процесса развития возрожденного языка. Однако необходимость разработать систему контроля качества «производства» на *конвейере* требовала выработать однозначные критерии, тем более что это вполне соответствовало практике преподавания иностранных языков в российских вузах. Такими критериями стали решения Академией языка иврит (далее АЯИ) в области грамматики и языковой нормы (которые редко соблюдаются в реальной жизни), а также требования, предъявляемые АЯИ дикторам израильского радио и телевидения.

Таким образом, побочным результатом организации «точного производства» преподавателей иврита в ГКАМ стала своего рода «сверхнорма» [3] в отношении чистоты языка, характерная для речи успевающих московских студентов.

Очевидно, что характер аудиторных занятий по любому предмету в значительной степени обусловлен экзаменационными

требованиями. Поэтому не удивительно, что описанная выше система проведения экзаменов по ивриту в ГКАМ обусловила постоянное, а нередко и гипертрофированное внимание преподавателей к вопросам языковой нормы и четкому знанию формулировок грамматических правил. Это достигалось, в частности, за счет менее тщательной отработки тех параметров речи, критерии оценки которых не были формализованы в достаточной степени. К этим параметрам можно отнести богатство словарного запаса, использование того или иного языкового регистра, корректное использование коллокаций, а зачастую и скорость устной речи [3].

Несмотря на эти противоречия, освоение программы ЕУИ, начатое в ГКАМ с 1995 г., шло очень быстрыми темпами. Студенты первых наборов качественно проходили эту программу за 5 лет, что само по себе являлось большим успехом для университета в диаспоре. Однако, начиная с набора 1996 г., срок полного прохождения программы без потери качества был снижен до 4 лет, а впоследствии – до 3 лет (при средней аудиторной нагрузке – 10 ак. часов в неделю).

Разумеется, такая интенсивность программы, а также жесткие экзаменационные требования вынуждали студентов интенсивно работать самостоятельно, посвящая изучению иврита до 3 часов ежедневно – в дополнение к аудиторным занятиям. Однако редкая работоспособность этого поколения студентов и реальный шанс получить в перспективе неплохо оплачиваемую работу по специальности в вузе, что традиционно считалось довольно престижным, позволяли успешно справиться с этой нагрузкой.

Трудоустройство лучших выпускников стало одним из важнейших приоритетов *конвейера*, обеспечивая его существование и существенно повышая мотивацию студентов. Так многие студенты уже первых выпусков Академии им. Маймонида были трудоустроены по специальности в новых вузовских проектах (к примеру, сразу 8 студентов выпусков 1998-2000 гг. – от 25% до 30% успешно закончивших ГКАМ – начали работать в вузах, используя программу, освоенную еще на студенческой скамье). Деятельность *конвейера* постепенно расширялась, однако воз-

возможности трудоустройства выпускников были ограничены – от 2 до 5 молодых преподавателей в год.

Так после того, как в 1998 г. в рамках ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова был открыт ЦИиЕЦ¹, ответственность за преподавание иврита в этом центре была возложена на кафедру иврита ГКАМ. Несмотря на то, что, в отличие от ГКАМ, студенты ЦИиЕЦ специализировались по трем направлениям (филология, история и экономика), традиционно высокие требования, предъявляемые в ИСАА к владению языком, позволили перенести деятельность *конвейера* в неизменном виде на новую площадку. Это позволяло студентам ЦИиЕЦ, к которым присоединялись и студенты ГКАМ, слушать на иврите лекции по специальности, которые читали профессора и преподаватели из ЕУИ. Такие лекции начинались с третьего, а зачастую и со второго курса.

Интересно, что иной, но столь же эффективной системы вузовского преподавания иврита в Москве построить не удалось. Незначительное на первый взгляд упрощение программы или снижение требовательности к студентам приводило к резкому ухудшению результатов. Уровень знаний выпускников таких вузов, как ВГШД и ЦБИ РГГУ² примерно соответствовал уровню студентов ГКАМ и ЦИиЕЦ к концу второго курса. По-видимому, именно поэтому в 2000 г. администрации ВГШД предложила распространить деятельность *конвейера* также на факультет иностранных языков этой организации. Таким образом, система «поточного производства» преподавателей иврита действовала уже в трех вузах.

Разумеется, не всё и далеко не всегда шло гладко. В частности, отсеб студентов за время обучения нередко достигал 50%, однако благодаря постоянному притоку талантливых и работоспособных студентов (чему могла способствовать политика трудоустройства лучших выпускников, проведение которой было еще возможным благодаря продолжавшемуся эффекту вакуума, ведь потребность рынка в специалистах, владеющих ивритом,

¹ Центр иудаики и еврейской цивилизации был открыт в рамках Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова как совместный проект МГУ и ЕУИ, а впоследствии был преобразован в кафедру иудаики ИСАА.

² Центр библеистики и иудаики РГГУ.

продолжала расти) этот отсев не подвергал опасности существование данной специализации.

Еще одной проблемой являлась слабая методическая подготовка как преподавателей старшего поколения, в большинстве своем имевших техническое образование, так и выпускников *конвейера*, не знакомых с иными результативными подходами к преподаванию иврита. Справедливости ради отметим, что в РФ, как и в большинстве других стран еврейской диаспоры, методика преподавания иврита как иностранного языка находилась в зачаточном состоянии, а подходы, разработанные в ЕУИ, в то время не были нам известны.

Таким образом, начинающий преподаватель, выпускник *конвейера*, в лучшем случае, мог опираться на прослушанные курсы по методике преподавания русского или английского языков, а также на свой собственный опыт как студента. При этом идеи «поточного производства» и главенства грамматики далеко не всегда отвечали представлениям молодых преподавателей, получивших гуманитарное образование, и стремившихся проявить себя наилучшим образом. Однако логика обеспечения устойчивости *конвейера* довлела над логикой развития, поощряющей эксперименты (в том числе, по внедрению новых учебников), и требовала специфической квалификации, заключающейся в точности выполнения каждой операции.

В качестве временной меры была реализована следующая модель: в каждой группе работали двое преподавателей, один из которых имел опыт преподавания иврита «на *конвейере*» и нес основную ответственность за успешное освоение студентами учебной программы, второй же преподаватель, как правило, был начинающим. Планировалось, что, постепенно набираясь опыта, и он с течением времени сможет принять на себя ответственность за очередную группу, работая в паре с кем-то из следующего поколения преподавателей – выпускников *конвейера*.

Определенные сомнения, что рынок вузовского преподавания иврита будет расширяться и в дальнейшем, появились еще в конце 2001 г. и обсуждались на Форуме руководителей еврейских институций в 2002 г., однако действительность, казалось, все еще

позволяла уверенно смотреть в будущее, ведь серьезной конкуренции на рынке не наблюдалось, и у потенциальных заказчиков просто не было выбора.

Так, например, в 2002 году поступила просьба со стороны еще двух институтов, созданных под эгидой «Хабад Любавич» (институт «Махон Хамеш» для девушек и Международный еврейский институт XXI века¹ – для молодых людей) обеспечить их преподавателями иврита и внедрить созданный *конвейер* на их территории. Выполнение данной просьбы привело к неожиданной ситуации – возник дефицит преподавателей иврита, и это несмотря на то, что в это время помимо ГКАМ первые кадры дипломированных преподавателей стал поставлять и ЦИиЕЦ. На пике количество преподавателей иврита, работавших в московских вузах, превышало 30 человек.

Разумеется, ни девушки из института «Махон Хамеш», ни юноши из МЭИЭФиП не собирались становиться преподавателями языка иврит; необходимо было лишь научить их говорить, читать и писать на иврите, однако несовпадение требований заказчика и возможностей отлаженного *конвейера* отчетливо проявилось лишь спустя несколько лет. Впрочем, первые тревожные сигналы появились уже в 2004 г., когда большая часть из 60 первокурсников МЭИЭФиП была представлена к отчислению, причем многие – из-за неудовлетворительной оценки по ивриту. Напомним, что для ГКАМ, ЦИиЕЦ и ВГШД такой отсев не был вопиющим, и то, что в данной ситуации цели заказчика были другими, в расчет не принималось. На первый раз руководство МЭИЭФиП согласилось на отчисление всех неуспевающих студентов. Иная ситуация сложилась в институте «Махон Хамеш», где администрация не была готова расстаться с девушками лишь по причине их слабой языковой подготовки, которая нередко выражалась в неудачном ответе на грамматические вопросы – ведь *конвейер* продолжал свою деятельность в неизменном виде.

Имели место и иные казусы. Так, например, во время стажировок в Израиле многие студенты испытывали затруднения в

¹ Впоследствии – Международный еврейский институт экономики, финансов и права (далее – МЭИЭФиП).

выборе языкового регистра, что нередко мешало естественным образом поддерживать беседу на простые житейские темы, а зачастую приводило даже к анекдотическим ситуациям [9]. Однако назревающие противоречия пока не внушали тревоги за будущее *конвейера*, поскольку, как было отмечено, приемлемой альтернативы ему не существовало.

Работоспособность и качество построенной в Москве системы университетского преподавания иврита нуждались, тем не менее, в профессиональной экспертизе, и таковая была проведена в 2003 г. силами одной из наиболее опытных преподавателей ЕУИ, г-жой В. Ишай. Экспертная оценка проводилась во всех трех вузах при помощи внешних письменных тестов, а также на устных экзаменах в ЦИиЕЦ.

В отчете о проведенной экспертизе работа преподавательского коллектива получила высокую оценку, в частности, было подтверждено, что выставляемые оценки соответствуют критериям ЕУИ. Результаты экзаменов у студентов 1 курса были названы «очень хорошими», у второкурсников – «хорошими», но «менее успешными» у третьекурсников, сдававших экзамен *птор*.

Отмечалось, что студенты прекрасно разбираются в вопросах грамматики иврита, однако достаточно слабы в вопросах семантики, а ощущение языкового регистра отсутствует даже у преподавателей. В качестве замечаний указывалось, что не уделяется достаточного внимания отработке употребления определенного артикля и изучению коллокаций, а также обращалось внимание на существенные недостатки при отработке навыка написания сочинений. Было рекомендовано скорректировать схему проведения устных экзаменов на 2-3 курсах, использовать новейшие, а не устаревшие (хотя и привычные для преподавателей) учебники ЕУИ, а также в меньшей степени придерживаться требований «сверхнормы».

Положительная в целом оценка В. Ишай повлияла на принятие решения о новом направлении деятельности преподавательского коллектива трех вузов. По просьбе Еврейского Агентства для Израиля (далее JAFI) был начат проект, целью которого было оценить уровень владения ивритом всех преподавателей ульпанов, работав-

ших под эгидой этой организации в странах бывшего СССР (более 400 человек). Знания преподавателей JAFI предполагалось оценивать по программе ЕУИ, поэтому использование для этой цели наработок *конвейера* представлялось и логичным, и целесообразным.

На практике проводимым экзаменам предшествовали, как правило, небольшие семинары, на которых экзаменаторы знакомили преподавателей JAFI с экзаменационными требованиями, программой, учебниками ЕУИ, а также проводили детальный разбор разнообразных грамматических тем. Сотрудничество с JAFI, а впоследствии и с ФЕОР¹ продолжилось на серии «Летних школ» [2] – сверхинтенсивных семинаров, проводимых по той же программе, а также в разработанном и продолжавшемся около 5 лет проекте «Дистанционное преподавание иврита» [10], [19]. Все это обеспечило создание еще некоторого количества рабочих мест.

И все же период экстенсивного развития естественным образом подходил к концу – московский рынок постепенно насытился преподавателями иврита, более того, наметились первые признаки кризиса перепроизводства. Оказалось, что в новых условиях *конвейер* в своем привычном виде перестал выполнять свои функции. Не только жесткая потогонная система, но и сама программа перестала удовлетворять требованиям заказчиков. Все большие нарекания не только к процессу, но и к достигаемым результатам возникали у руководства МЕИЭФиП и института «Махон Хамеш». Даже в ЦИиЕЦ руководством была подвергнута сомнению практика вынесения теоретических вопросов по грамматике на экзамен по практическому курсу иврита в группах историков или экономистов. Назревала необходимость реформы – как организационно-структурной, так и программно-методической.

Привычная схема двух преподавателей в одной группе требовала серьезной коррекции, поскольку их деление на «опытных» и «начинающих» перестало оправдывать себя, ведь стаж, методическая подготовка, знание языка и качество преподавания у разных поколений преподавателей стали уже вполне соизмери-

¹ Федерация еврейских общин России (прим. авт.)

мыми. При этом взгляды коллег на возможное развитие системы существенно отличались.

Представители старшего поколения, как правило, сомневались в необходимости существенно реформировать систему, которая обеспечивала процветание на протяжении более 10 лет – притом, что комплексной альтернативы ей не предлагалось; эти сомнения были присущи и подавляющему большинству представителей администрации.

Преподаватели же нового поколения острее чувствовали накопившиеся противоречия, с большей готовностью воспринимали рекомендации коллег из ЕАИ, а также, будучи в значительно меньшей степени, чем их старшие коллеги, приверженными нормативно-грамматическому подходу к преподаванию языка, стремились внести в процесс существенные изменения [3], [11], [13].

Однако для того, чтобы провести реформу в программно-методической области, необходимо было сформулировать ответы на целый ряд вопросов. Каким образом изменились за 10 лет цели изучения иврита в вузах и требования к студентам? Насколько целесообразно учитывать рекомендации ЕУИ в отношении методики преподавания в вузах диаспоры? Как часто следует менять линейку учебников, и каковы должны быть критерии их выбора¹? Каким образом развивать у студентов языковое чутье и умение различать языковые регистры? Хотя некоторые из этих вопросов были подняты еще в 2004 г. [3], практическая польза от их постановки была ограниченной. И неудивительно, ибо любые изменения в механизме *конвейера* были чреваты сбоями в его работе.

Так, например, экспериментальное внедрение новых учебников (как правило, более сложных) в отдельных группах неминуемо привело бы к нарушению принципа равных требований, предъявляемых студентам. Одновременная же замена линейки учебников во всех группах потребовала бы интенсивной подготовительной работы со стороны всего коллектива преподавателей, но их большая учебная нагрузка, явившаяся следствием

¹ В [3] отмечалось, что новые учебники уровня η заметно сложнее учебника, используемого на протяжении последних 15 лет. Это отличие характерно для всей линейки учебников.

сравнительно низкой зарплаты, препятствовала этому. Интересно, что при этом целесообразность сохранения *конвейера* никем не подвергалась сомнению.

К 2007 г. опасения, связанные с грядущим сокращением существующих рабочих мест в вузах, начали постепенно оправдываться: в 2005 г.: была закрыта ВГШД [14], постепенно уменьшалось количество учебных групп в ЦИиЕЦ, а также намечилось существенное снижение числа студентов, поступающих в ГКАМ, и среднего уровня их подготовки. На смену отличникам, обладающим высокой работоспособностью и составлявших ранее основную целевую аудиторию, пришли менее мотивированные и потенциально менее сильные студенты – в еще меньшей степени, чем их предшественники, подготовленные к восприятию иврита через грамматику.

При этом сокращение числа рабочих мест в системе высшего образования делало саму возможность трудоустройства в ней все новых и новых выпускников сугубо гипотетической, а это еще более снижало привлекательность специальности не только для студентов, но и для потенциальных абитуриентов. На этом фоне постепенное снижение уровня финансирования вузовских проектов со стороны благотворительных фондов выглядело совершенно оправданным.

Для того чтобы и в новых условиях не допускать снижения достигнутого уровня подготовки выпускников при сохранении хотя бы привычных 50% отсева необходимо было повышать КПД аудиторных занятий, в частности, за счет проверки домашних заданий при помощи компьютерных обучающих технологий [21] и высвобождения за счет этого не менее 20% аудиторных часов. Однако такое повышение КПД означало интенсификацию работы преподавателей, энтузиазм которых неуклонно снижался на фоне постепенного ухудшения условий труда.

Диалектика 15 лет успешной деятельности *конвейера* в неизменном виде объективно требовала его остановки и капитального ремонта. Такое решение, безусловно, содержало немалый элемент риска и могло быть принято только администрацией. На практике же продолжалось движение по инерции.

Сокращение количества рабочих мест преподавателей иврита в московских вузах и отсутствие внятной перспективы привело к постепенному уходу или выдавливанию ряда наиболее активных молодых преподавателей, что отнюдь не способствовало повышению качества учебного процесса.

Необходимо добавить, что когорта не работающих по специальности выпускников вузов, на обучение которых ивриту потрачены существенные ресурсы, ежегодно пополняется. По нашему мнению, данный факт нуждается в серьезном анализе и переосмыслении, в особенности, в ситуации, когда лишь незначительная часть еврейской общины Москвы и учеников еврейских школ владеет национальным языком своего народа.

Резюмируя, можно сделать вывод, что оригинальный подход «Иврит через грамматику» привел в свое время к расцвету системы вузовского преподавания иврита в Москве, а также системы повышения квалификации действующих преподавателей иврита в странах бывшего СССР. За короткое время был совершен качественный скачок. Однако со временем эта методика стала давать сбои, оказавшись далеко не в полной мере адекватной требованиям времени, и в ближайшее время нуждается в кардинальной модернизации – в соответствии с реалиями времени.

Библиография

1. Аграновская В., Едовицкий М., Заславски Р. Система профессиональной подготовки и повышения квалификации преподавателей иврита в ульпанах стран постсоветского пространства: (опыт отдела образования Еврейского Агентства для Израиля на протяжении последнего десятилетия). // Материалы Шестнадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике: ч. 1. Язык иврит: изучение и преподавание. Академическая серия, выпуск 25, М., 2009, сс. 17-24.
2. Аграновская В., Княжицкий И., Кондракова Ю., Марьянчик Е. Летние школы по ивриту (попытка анализа). // Наст. сборник, сс.61-71.
3. Баркусская И. и др. Полемика. // Язык иврит: исследование и преподавание. Материалы Десятой и Одиннадцатой ежегодных международных междисциплинарных конференций по иудаике. М. 2004, сс. 241-270.

4. Едовицкий М. Политика Еврейского Агентства в области преподавания иврита в ульпанах. // Язык иврит: исследование и преподавание. Материалы Девятой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М. 2002, сс. 30-40
5. Княжицкий И. Об опыте преподавания иврита на 4 курсе московских вузов. // Наст. сборник, сс. 46-55.
6. Кондракова Ю., Марьянчик Е., Членов М. Преподавание иврита в России в условиях кризиса (анализ проблем). Материалы Шестнадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике: ч. 1. Язык иврит: изучение и преподавание. Академическая серия, выпуск 25, М., 2009, сс. 5-16.
7. Крюков А. 30 лет академического изучения и преподавания иврита в Москве. / Язык иврит: исследование и преподавание. Материалы Десятой и Одиннадцатой ежегодных международных междисциплинарных по иудаике. М. 2002, сс.7-13.
8. Марьянчик Е. К вопросу о проблемах глагольной парадигмы языка иврит. // Язык иврит: исследование и преподавание. Материалы Девятой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М. 2002, сс. 69-76.
9. Марьянчик Е. Преподавание современного иврита в московских вузах: проблемы и перспективы (опыт последнего десятилетия). // Язык иврит: исследование и преподавание. Материалы Десятой и Одиннадцатой ежегодных международных междисциплинарных конференций по иудаике. М. 2004, сс.14-25.
10. Надорова Ю. Дистанционное преподавание иврита. // Материалы Шестнадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике: ч. 1. Язык иврит: изучение и преподавание. Академическая серия, выпуск 25, М., 2009, сс.117-122.
11. Ромашов Д. Преподавание иврита в вузе: взгляд со студенческой скамьи. Там же, 139-141
12. Токаренко Т. К вопросу о норме в современных израильских эстрадных песнях. // Язык иврит: исследование и преподавание. Материалы Десятой и Одиннадцатой ежегодных международных междисциплинарных конференций по иудаике. М. 2004, сс. 68-75
13. Тутельман С. Использование иллюстративного материала на уроках иврита в вузе. // Материалы Шестнадцатой ежегодной международ-

- ной междисциплинарной конференции по иудаике: ч. 1. Язык иврит: изучение и преподавание. Академическая серия, выпуск 25, М., 2009, сс. 97-106
14. Чарный С. Еврейский университет в Москве (1991-2009) // Вопросы еврейской истории. Материалы XVI Ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике, М. 2009, сс. 490-522.
 15. Членов М.А. Словарь в России. // Словарь запрещенного языка (автор-составитель Престина-Шапиро Л.Ф.), Беер-Шева, 1999, сс. 295-302.
 16. Шпекторова Н. Языковая норма в современной израильской художественной литературе (на примере романа А.Б.Йегошуа «Любовник»). // Язык иврит: исследование и преподавание. Материалы Девятой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М. 2002, сс. 183-195.
 17. Шпекторова Н. Языковая норма в современной израильской художественной литературе (на примере романа М. Шалева «Эсав»). // Язык иврит: исследование и преподавание. Материалы Десятой и Одиннадцатой ежегодных международных междисциплинарных конференций по иудаике. М. 2004, сс.63-67
 18. Kondrakova Yu. N., Maryanchik E. B., Chlenov M. A. Teaching Hebrew in the FSU: an insider's view./ Euro-Asian Jewish Yearbook 5769 (2008/2009) Euro-Asian Jewish Congress, Moscow, 2009, pp 60-70.
 19. זסלבסקי ר', מריאנצ'יק י'. הפרייקט 'הוראה מרחוק': הנחלת העברית למורים לעברית בחמ"ע. הד האולפן החדש, 93 (אביב 2008), ע' 25 – 28.
 20. כוזר ר'. רשימת פריטי מורפולוגיה ותחביר להוראת עברית בשש רמות. האוניברסיטה העברית בירושלים, בית הספר לתלמידים מחוץ לארץ ע"ש רוטברג, היחידה להוראת עברית לדוברי שפות זרות, המרכז למחקר. ירושלים, תשנ"א, 1991.
 21. מריאנצ'יק י'. שיעורי וידאו ותרגילים ממוחשבים: רעיון ויישומו. קדם-קונגרס למדעי היהדות, הכנס הבינלאומי לחקר השפה העברית דרכי הוראתה. היבטים ברכישת שפה שנייה. ירושלים 27 – 28 ביולי 2009. חוברת תקצירים, ע' 45.